

Жизнь на ходу

Ещё внедавне, едва позачуяв крадущийся сумерек, неслась Рысь Русь встреч горизонту.

Мчалась, не заботясь красотою аллюра: со всех лап, упоённая скоростью, и что там смерть на ходу, которой пугают иные, на ходу – жизнь!

А мчалась не тóрными тропами – тайгами дремучими, угорьями-кручами, криволесьем да тундрами, травостойными поймами, да оврагами-паднями, да болотными дрягвами.

Говорят, бег рысий быстр, но и ко́роток.
Верно – для кисы какой, но то не Рысь Русь.

Не коротко, длинно! вымеряла Рысь бежью раздолы: стремил а ими, летела...

... стрелобёгом летела:

рассекая травные волны...

... и попрыгом от пружного стланика:

всквозь хвои таёг да дрёмных чащоб...

... и разборчивым рыском:

по зыбунам в топких няшах,
да по мхам-ягелям изукрасным, кои
приемлют след всякий да долго хранят его...

... и вот стелящимся бегом мягким:

по ягодой тканым коврам горных скатов
да по тёплым полсти́нам брусничных болот...

Стремил а туда, где скол окоёма, где горизонт – лезвийный предел...

стремил а сегодня, и также – вседневно:

... знойным летом, и летом спадающим, и перволетьем...

... и мягкой зимою, и зимою глубокою, стылою...

... и пёстрой весною, которая снежная, и весною ожившей, которая голая, и весною цветущей – предлетье которое,

... и по осени поздней, где плыли дожди, и по осени ранней с её косохлёстами,
и в послеосенье хма́рное, где на горы ложатся снега, а воздух искрится алмазною пылью...

Неслась, стремил а по следу Светила, нагоняла недóжитый день:

день был правильный, славный, жить в нём хотелось ещё...

остановись: жить в нём уже не случится, ночь наступит всему, а ей – новый день:

рысий день начинается там,
где лезвийный предел отсекает Голову Света и отымает у листьев зелёный цвет,
взамен оставляет чёрный...

а чему новому статься – так и не станется, разве что сгубится, но не добавится:

застыло Время событий, затаилось, набухает недобрым – сквозь череду недожитых дней...

плюс-минус век – и всё одно, и ничего, чего бы уже и не было в мире дённом,
где твёрди поверхность – дно:
для неба и света...

То и выходит – правы мудрецы: из нашей Зверенной испаряется время – вконец, безвозвратно?!

«... За Зверенную в целом – не знаю, здесь же точно: застыло и сохнет... Гравитация полная, еть её яром!
диссипация Воли, энтро́пия Духа!..»

Так думилось Рыси. И глухо рычалось.

Зелёный Луч

Именно зелёный.

Не какой-нибудь, скажем, там травяной, полынный, миртовый, мятный, хвойный, эвкалиптовый, кипарисовый. Или вот салатный, лавровый, фисташковый, оливковый, мшистый, болотный, плисовый. Шартрез или хаки. Цвет панг, наконец.

И даже не оттенок из многих – от переливчатой зелени глаз Рысьих дивных, кои тот же Тигр камням равнял самоцветным да драгоценным: малахитам, аквамаринам, изумрудам-смарагдам; или минералам тем редкостным: нефритам, жадеитам, хризобериллам да турмалинам, которые из-за скользящего по ним блика именуют “кошачьим глазом” – то в Людомире, в Зверомире же: “оком рыси”.

Зелёный ждала Рысь Русь: Луч Зелёный.

Да не пустого изыска ради: по надобе заветной:

в миг – когда тот миг сам и замрёт, ровно ястреб над сонным простором, тонуцим в тёмях,
но покровы пространств ещё оморо́шены золотарными каплями уже стекшего света,
тем мгновением чаяла Рысь узрить, уследить сокровенное: Луч,
что порою счастливцу какому сверкнёт от пределов лезвийных на горизонте,
где в бездонность упало, скатило Светило,

а случай падёт: так поймать, достать с донца небесного Луч тот Зелёный, Свет тот живой, цвет тот Надежды:
вдруг, то и двинет застрявшее время!..

... да и заскрипят разом оси колёс в телеге хмурого Хроноса:

не всегда же и был Кронос – угрюмый паук! Когда-то и Мир весь – являл себя Золотым Лотосом,
на пальмовых листах бамбуковых книг записанным:

о ту пору воронёнок-младенец Крон мочил ещё кроmeshные пелёнки Селенские; –
в те старые добрые времена...

... в те старые добрые времена, когда от нас ничего уж и не было.

Так думила Рысь – вослед Светилу, которое огненным расплавом катило-скатывало по небосклону к северо-западу. Садиться же ровно на западе Светило изволило дважды в году – в равноденствия: по марту весны да сентябрю осени.

Узрить-словить Зелёный Луч!

Такое, сказывают, случилось бабке Ру́синой: Светлой Кыйской Рыси, да Русиной мамке: Алой Рыси Софье, чьи эпические исходы “уйти, не умерев” окутаны кривдами, враками да ливераками. Зверомирцы-то верно знают: не ушли они никуда, затаились до времени, растворились в грядущем. Будет ещё их, ох как будет!..

И пусть за мгновениями славы следуют годы забвений, то и поруганий грязных, –
не о лайках и рейтингах пеклась Рысь Русь.

Ждала. Следила закат.